

вечерний
детектив

Елена ДОРОШ

АНТИКВАРНАЯ ИСТОРИЯ

Кто сможет установить истину и спасти
доброе имя русского офицера?

Елена Дорош
Антикварная история
Серия «Вечерний
детектив Елены Дорош»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68027872

*Антикварная история:
ISBN 978-5-04-174329-1*

Аннотация

Маша Заречная невольно становится участницей волнующих и трагичных событий, связанных с появлением в антикварном салоне, где она работает, старинной камеи и наградной сабли, принадлежащей герою Гражданской войны. Выясняется, что эти вещи непостижимым образом связаны с судьбами многих людей – давно ушедших и ныне живущих. Один из них – Вадим Гильберт, семья которого долгие годы несет бремя обвинения в предательстве. Сможет ли Маша установить истину и спасти доброе имя русского офицера?

В основе сюжетной линии остросюжетных романов Елены Дорош всегда лежит простая человеческая история. Они привлекают необыкновенно уютной атмосферой, душевностью и глубоким психологизмом в описании человеческих чувств.

Елена Дорош пишет для тех, кто не впадает в уныние, не боится испытаний и ждет от жизни только хорошее. Ее книги –

не просто детективы. Они не только о любви. Каждая открывает увлекательную, порой малоизвестную сторону человеческого бытия.

Содержание

Соболев	6
Маша Заречная	22
Лев Моисеевич	31
Ширяев	39
Картина Рафаэля	46
Прекрасная Элеонора	53
Каменя	59
Музыкант	69
Аленка	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Елена Дорош

Антикварная история

*Моему прадеду
Измайловицу Онцфришо Дорошу
посвящается*

© Дорош. Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Соболев

После обеда заработали гаубицы. Значит, часа через полтора пойдут огнемётчики, подумал полковник Соболев и поплотнее прижался к стенке окопа. За спиной послышалась ругань, и на землю рядом шлепнулся капитан Белецкий. Страхивая с шинели комья глины, он продолжал крыть всех и вся.

– Плохо пообедали, Белецкий? – покосившись на раздражённую физиономию капитана, поинтересовался Соболев.

– Напротив, полковник, я отлично подкрепился тухлой тушёной капустой и остатками прогорклого сала.

– Чего же тогда не в духе?

Соболев подкрутил кольцо настройки диоптрия полевого бинокля и продолжил осмотр позиций.

Гаубицы разродились очередным залпом. Бруствер взметнул грязную мешанину из глины и снега.

– Да твою мать! – снова ругнулся Белецкий.

– Капитан, вы же интеллигент в десятом поколении. Какого черта вы материтесь, как девица, которой наступили на новые галоши?

– Девицы матерятся? Это какие же?

Белецкий с интересом уставился на Соболева.

– Полковник, вы расширили круг общения? Не знал.

– Один – один, – вздохнув, признался Соболев и опустил-

ся на дно окопа.

– Мне кажется, сегодня атаки не будет, я прав? – спросил капитан.

– Ты чего злой такой?

– Да надоело все. Три дня назад должны были подвезти патроны.

– Так привезли же.

– Для нагана. Пять коробок. Пять! А надо было тридцать и для трехлинейки! Идиоты! Мы что, наганами от артиллерии будем отстреливаться? Почему в тылу одни кретины? Как их туда отбирают? Меряют линейкой объем мозга?

– Сколько патронов для винтовок есть в наличии?

– Один ящик. Это на час скромненькой стрельбы. А дальше что? Пойдем в штыковую? Так мы даже дойти не успеем! Они нас еще на подходе из «максимов» покрошат! Их у них знаешь сколько? Да что пулеметы! Разведка доложила: немцам на позиции скоро штурмовые бронированные машины подвезут. Танки называются. В переводе с английского – лохань. Ничего себе название придумали. Только выпустили.

Соболев устало посмотрел на расстроенного капитана.

– Не пойму, зачем ты мне все это рассказываешь?

– Выговориться хочу. Сестрица в письме написала, что любые проблемы следует проговаривать с доверенным лицом. Тогда, дескать, волнение стихнет.

– И разум просветлеет?

– Вроде того. Она на курсы ходит какие-то. Отличный

способ, правда?

Соболев кивнул и подумал, что способ и в самом деле неплох. Он бы тоже хотел проговорить все, что накопилось на душе. Сесть бы с Анютой у камина, обняться, уютно накрывшись толстым английским пледом, и говорить, говорить, говорить...

Гаубицы бабахнули. Бруствер выбросил кучу грязи.

– Атаки сегодня действительно не будет. Пойдем погреемся немного, – предложил Соболев. – Мне ночью опять на позиции.

Пригибаясь, он побежали по извилистым переходам, чавкая сапогами. На дежурстве офицерам отдыхать полагалось в землянке, устроенной из погреба разрушенного дома. Кирпичные стены, бревенчатый потолок, пол, устланный для тепла сучковатыми досками. Лучшее, что можно было придумать. Солдатам приходилось не в пример хуже. Следуя передаваемому из поколения в поколение правилу, окопники половину шинели расстилали на снегу прямо в траншее, ложились на них, тесно прижавшись друг к другу, и укутывались другой половиной шинели.

В трех километрах от позиций жилье у офицерского состава было чуть получше. Командному составу досталось несколько изб, в которых можно было хоть как-то отгородиться от остальных. Соболев, как старший офицер, имел даже свою конурку с окошком. Его, правда, пришлось завесить тряпьем, но так было даже теплее. Глиняная печка на-

ходила за дощатой перегородкой. Там вместе с хозяевами разместился денщик. Спать ему выпало на лавке, потому что печка была занята ребятишками. Но это лучше, чем на полу.

Завалившись в землянку, офицеры долго топали ногами, стряхивая налипшую глину. В землянках печка не полагалась. Греться приходилось, как выражались солдаты, «пердячим паром». Штабное начальство было уверено, что печной дым обнаружит их позиции. Как будто немцы их не знали! Сами они грелись всюду, потому над вражескими окопами столбиком поднимался густой дым.

Покосившись на спящего в углу прапорщика, офицеры уселись бок о бок на лавке. Расторопный Белецкий тут же вытащил откуда-то штофик из зеленого стекла.

– Выпьем для согрева?

– «Казенка»? – спросил Соболев.

– К сожалению, только шнапс, полковник. Наши два дня назад после атаки из немецких окопов притащили. Малова-то, конечно, да и тот разбавленный. Эти швабы, они такие скупые, что даже водку разбавляют. Вот какой в этом толк, скажи?

– Никакого. Наливай.

Дмитрий разлил водку по стаканам, они чокнулись и выпили.

– «Целый штоф выпил я до дна и в тот день не ходил со двора», – пропел строку из Некрасова на мотив вальса Штрауса капитан и с сожалением добавил: – Штоф был бы умест-

нее в данной ситуации. Штофик – это, брат, сущие пустяки.
– И правда разбавленный, – с сожалением сказал Соболев.
– Нет, вот ты скажи, Николай, – заговорил неугомонный Белецкий, – какого дьявола мы переделали «максимы» под мосинский патрон, если пулеметов все равно нет? Два, и тех клинит на каждом шагу. Гаубица 122-миллиметровая вроде есть, а вроде и нет! Кой черт она нужна, если к ней нет снарядов? Артиллерийская бригада ушла в отпуск по ранению? А еще хвастались, что у них трехдюймовки работают как часики. Как часики, слышь? Что-то не слышно этих часиков с прошлой недели.

Николая давно перестали раздражать разговоры про дикую нищету русской армии, совершенно ни на что не годное воинское начальство и устаревшее до самой позорной низости вооружение. Он вообще старался об этом не думать. Не было никакого смысла. Надо просто делать свою работу, и все. Белецкий же по молодости лет жаждал справедливости и искренне не понимал, как можно было довести да такого состояния еще недавно самую грозную армию в мире. Однако совсем не размышлять на эту тему он не мог. За четыре почти года этой жуткой войны он дважды терял весь состав подразделения. И это были не какие-нибудь «лапотники», которых набрали абы как. Гвардейские части – элита армии. И этой элиты почти не осталось. Из командного состава тех, кто начал воевать в четырнадцатом, осталось лишь несколько офицеров на весь Измайловский полк. Пришлось

штаб-офицерам, к числу которых принадлежали они с Белецким, принять командование подразделениями. Кому что достанется.

– Слушай, давно хотел тебе сказать, – плеснув в стаканы еще по чуть-чуть, сказал вдруг Дмитрий. – Не нравится мне твой денщик. Помню, ты говорил, что справляется он хорошо, да только дело не в этом. Опасно брать из разжалованных, тем более за такое преступление.

Соболев пожал плечами.

– Не поздновато ли разговор заводить? Он со мной два года. И потом. Ну что было с ним делать?

– Да он дикий, этот твой Стах! Подумай только, не поделил с товарищем бабу, так взял его и прирезал!

– Он пьяный был, а во хмелю, сам знаешь, человек себя не помнит. Он раскаивался. Плакал даже. Впрочем, дело тут в другом. Я не из жалости его взял. Стах – опытный и умелый солдат. Он же в разведчиках служил.

– Да знаю я и про разведчиков, и про его прошлые подвиги! Но человек он ненадежный. Сейчас сам понимаешь, какое время. Среди солдат агитаторы кишат. Большевики какие-то. Дерзкие ребята. Говорят, что со дня на день Временное правительство падет. Тогда такое начнется! Кое-где, слышал, уже братания с врагом начались. Твой Стах на всех офицеров волком смотрит. Как ты такому не боишься доверять свою жизнь?

Соболев посмотрел на взволнованное лицо друга и, встав,

достал с небольшой полочки хлеб и завернутое в тряпицу сало.

– Сейчас каждый солдат на счету. Тем более такой, как Петр. На, закуси, а то сам с похмелья буйным станешь.

– Да отлично, что стану! Подниму всех в атаку и пойду со знаменем впереди! Сметем этих немцев с лица земли!

– Ну вот, уже началось. Отрежь-ка мне сала кусок.

– А колбасы не осталось? Был хвостик.

– Окстись, Белецкий. Того хвостика уж сутки простыл и след. На вот сыру. Правда, он кое-где заплесневел от сырости.

– Ничего, завтра нас сменят, наедемся щей наваристых да каши с мясом. Тут из полевой кухни вообще ничего есть нельзя. Как эта серая масса, которой нас потчуют, называется, не знаешь?

Соболев допил шнапс и, морщась, откусил сыра.

– И все же подумайте, господин полковник, насчет Стаха. Говорю вам...

Дверь в землянку распахнулась, и в засыпанной снегом шинели вошел именно тот, о ком они только что говорили.

– Ваше высокоблагородие, – бодрым голосом произнес денщик, отдавая честь, – прислали сказать, что смена будет только после обеда. Майор Хрящевитов заболел, его в госпиталь увезли. Вместо него прибудет капитан Отроков, но позже, как поспеет из штаба полка.

– Какая чудесная новость! – издевательским тоном вос-

кликнул Белецкий.

– Хорошо, Стах. Можешь идти отдыхать, я вызову, если понадобится.

Белецкий проводил Стаха, снег на котором так и не растаял, недобрым взглядом.

Соболев разбудил спящего прапорщика и отправил проверять посты. За ним вышел и капитан.

Завернувшись в шинель, оставшуюся от убитого вчера офицера, Николай лег на хранивший слабое тепло недавно лежащего тела топчан и повернулся лицом к каменной стене. Лежать к ней спиной совсем уж невозможно. Начинаешь примерзать. Соболев закрыл глаза и тут же увидел Анюту. Она сидела с вязаньем на кресле у печки, а маленький сынишка копошился у ее ног. Вот тихо вошла нянечка и унесла малыша в детскую. Анюта осталась одна. Вот отложила рукоделье, протянула руку к печному теплу и задумалась. Николай не сомневался, что думает она о нем. Так же, как и он о ней в любую свободную минуту.

– Анюта, – позвал он жену и пробудился.

Дверь землянки вздрогнула и отлетела прочь от взрыва. Николая отбросило к противоположной стене и прижало свалившейся от следующего разрыва балкой. Он задохнулся от удара. В глазах помутилось от дыма и боли. В ту же минуту кто-то очень сильный откинул бревно и, схватив за грудки, немилосердно дернул его на себя. Соболев вскочил, как будто его подкинули, и вовремя. На то место, где он только

что был, упала полка.

– Ваше высокоблагородие! – крикнул Петр Стах, ибо это был он. – Держитесь за мной, я выведу!

Они выбрались из обрушившейся землянки и упали на дно окопа. Соболев попытался встать, но денщик сильной рукой прижал его к земле.

– Не время! Обождите немного! Сейчас они огонь переместят, тогда подыдемся!

Николаю казалось, что уши у него плотно заложены ватой. Это от взрыва. Пройдет.

Он отбросил руку Стаха и пополз по траншее на карачках. Надо срочно проверить, насколько сильно пострадали ряды бойцов, и организовать отражение атаки. А то, что атака будет, он не сомневался.

– Ваше высокоблагородие, не вставайте только, – проговорил сзади Стах.

Соболев оглянулся и увидел его лицо. В нем не было ни капли страха.

– Давай за мной! – скомандовал ему полковник, встал и, пригибаясь, побежал туда, где раздавались крики.

Метров на сто от командирской землянки траншея была забита телами. Живые и легко раненные, прикрываясь мертвыми товарищами, которых было гораздо больше, ждали окончания налета и готовились к атаке. Дальше скученность стала не такой страшной, и можно было идти от бойца к бойцу, лишь наклоняясь как можно ниже.

Соболев нашел Белецкого, который по касательной был ранен в руку, в тыл идти отказался и выглядел очень бодрым. Еще троих офицеров полковник обнаружил к концу окопной линии. Он расставил их по местам и, когда артиллерийский налет немного стих, направился тем же манером в обратный путь. Интересно, ждуть ли нынче при атаке огнеметчиков? Вчера Бог миловал. Неужели у немцев горючка кончилась?

Оказалось, что нет, не кончилась. Аккуратные немцы все делали строго по инструкции.

С началом атаки полковник стал двигаться быстрее. Надо было успеть оценить обстановку и отдать команды на всех участках.

Телефонная линия, оборванная неделю назад, так и не была восстановлена, поэтому ждуть приказаний из штаба не приходилось. Оно и к лучшему, подумал Соболев и, повернувшись к Стаху, который все время держался рядом, велел ему вернуться в разбитую землянку и принести планшет с картами и бинокль. Стах, которому ничего не надо было повторять дважды, быстро двинулся вдоль окопа, проскальзывая между завалами из тел и грязных куч вывороченной земли. Полковник Соболев остался на позиции рядом с прапорщиком Грудининым, худеньким юношей с бледным прыщеватым лицом.

Огнеметчики пошли на них цепью. Первый нес трубу с так называемой «лейкой», направляя огненную струю, второй, с наполненными горючкой баллонами за спиной, следовал

за ним. Русские знали, что струя огнемета имеет небольшую дальность, метров двадцать, но когда идущие цепью немцы по команде выпускали столб огня, особо впечатлительные бросали оружие и начинали креститься.

Соболев лег грудью на бруствер и проверил наган. Прицельная дальность револьвера почти пятьдесят метров. Неплохо, если, конечно, сумеешь воспользоваться этим преимуществом.

Николай нашел глазами ближайшую пару огнеметчиков и прицелился в того, что нес баллоны с горючим. Злобный осенний ветер стих только на мгновение, и Соболев успел выстрелить. Пуля, чиркнув по металлической обшивке, пробила баллон сбоку. От искры баллон разорвало, огнеметчики вспыхнули, пламя обожгло соседних солдат, которые рванули со своими огнеметами в разные стороны, пытаясь спастись от собственного оружия.

– В атаку! Ура! – заорал вдруг под мышкой у Соболева Грудинин, рванулся, вскочил на бруствер и бросился вперед.

Вдохновленные замешательством в рядах противника, солдаты с криками бросились за своим храбрым командиром.

Соболев побежал вдоль траншеи, чувствуя за спиной растущее, как волна, воодушевление солдат. У развороченной взрывом во время атаки землянки он остановился, залез почти на самый верх бруствера и не удивился, увидев, что его денщик оказался рядом.

Полковник протянул руку.

– Бинокль.

Стах подал и, чуть высунувшись, тоже стал смотреть. Смелый, подумал про него Соболев и приставил к глазам бинокль.

Наверное, на другой стороне заметили блеск линз. Или просто – движение. Пуля, выпущенная из немецкого пистолета, с дикой скоростью помчалась в сторону окопа русских. Ее полет был точен, как никогда. Потом Соболев неоднократно задавался вопросом, как Стах мог предугадать конечную цель ее движения. Почувствовал, что ли?

За мгновение до того, как пуля попала бы в голову Николая, Стах вдруг резко и сильно пихнул его в сторону. Соболев услышал только, как что-то свистнуло у уха, и от бревна за его головой в разные стороны разлетелись щепки.

Они спрыгнули на дно окопа.

– Петр, спасибо. Ты мне жизнь спас, – почему-то очень тихо сказал Николай.

Стах, повернувшись, посмотрел на него и спокойно ответил:

– Ничего. Как-нибудь сочтемся, ваше высокоблагородие.

На следующий день смена прибыла только к вечеру. Злые и голодные офицеры залезли на последнюю телегу. Хорошо, что раненых оказалось не так много и одна оказалась пустая. Идти все равно не было сил. Пока ехали до штаба, Белецкий, прижавшись спиной к соболевскому боку, задремал. Нико-

лай придерживал его рукой, чтобы не свалился, и думал о том, что его предыдущее письмо Анюта, наверное, уже получила. Обидно, что он не умеет передать бумаге свои чувства. Теперь, когда возможность встречи с Анной становилась все более нереальной, ему было жаль, что, когда жена оставалась рядом, он говорил с ней о пустячных делах, обсуждал невесть какие проблемы, мелочи, ерунду. А надо было каждую минуту говорить о важном. О том, какое счастье, что по воле Господа им довелось встретиться, обрести друг друга, о том, как сложится судьба их сына Сергея, о том, что надлежит делать и думать, ежели им не доведется быть вместе. Тогда он не хотел пугать Анюту подобными разговорами, потому и говорил об обыденном, старался отвлечь от горестных мыслей. Теперь кается, что не успел.

– Чего не успел? Куда? – хриплым спросонья голосом проворботал Белецкий и вскинулся.

– Приехали, господин капитан. Выгружайтесь.

К себе в каморку Соболев попал ближе к полуночи и сразу сел писать письмо жене. Все, что накопилось на душе в последние маетные дни, вдруг вылилось в какую-то странную форму: прочти кто, не поймет, в чем суть. Ну и пусть. Не для чужого взгляда писано. Анюта поймет, и довольно.

Николая вдруг забрала такая тоска, что он даже застонал внутренне, неслышно, про себя.

В дверь постучали.

– Господин полковник! Разрешите доложить! – войдя в

комнату, гаркнул посыльный из штаба.

– Господь с тобой, что ты орешь, любезный? Докладывай, коли есть что, – поморщился Соболев.

– Завтра с утра начальник штаба требуют к себе всех офицеров к четырем утра.

– Наступление, что ли, готовится?

– Не могу знать, господин полковник!

– Ступай, орало. Перебудил всех. Хотя нет, постой. Возьми письмо. Пусть завтра с утренней почтой уйдет.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие!

– Иди уже, мучитель.

Соболев устало махнул рукой. Чаю, что ли, выпить? Может, полегчает на душе. Впрочем, к черту чай. Лучше поспать подольше.

Он лег на узкую койку и почти задремал, как вдруг дом тяжело вздрогнул и как будто просел. Повалил серый дым и сразу запахло гарью.

– Стах! – крикнул полковник, выбегая на хозяйскую половину.

Снаряд разорвался близко от дома, взрывной волной ударило так, что стена накренилась. Печка треснула, из нее повалил дым.

– Я здесь, ваше высокоблагородие! – Денщик выскочил из сеней одетый, будто и не ложился.

– Где хозяйева?

– Они еще с вечера в погреб ушли. Боятся в доме спать.

Раздался еще один взрыв. Чуть дальше вроде. Неужели немцы нас опередили и пошли в наступление, не дожидаясь утра? Не похоже на них.

– Собери вещи, уходим. Я сейчас! – крикнул он денщику, вернулся в комнату и стал быстро собирать то, что не мог оставить.

Он услышал за спиной движение и понял, что в комнату вошел Стах.

– Иди, Петро, я уже скоро! – продолжая собирать в дорожный мешок документы и самые важные для себя вещи, крикнул полковник. – Ты свое собрал? Забери...

Он не успел договорить. В спину вошло что-то твердое и, пробив внутренности, застряло там, заставив кровь замереть, а потом понестись с новой силой. Соболев вздрогнул, обернулся и увидел прямо перед собой желтые звериные глаза.

– Ты же мне жизнь спас...

– А это чтобы ты не боялся ко мне спиной повернуться. Со спины бить сподручнее, – ответил ему денщик и выдернул нож.

Соболев упал на спину. Кровь хлынула из горла и затопила все вокруг.

– Как же я тебя ненавижу, – прошептал Стах и, встав на колени, принялся расстегивать мундир полковника.

– За... что? – деревенеющими губами прохрипел Николай.

– А вот этого ты никогда не узнаешь, – наклонившись к его губам, проговорил Стах и с силой воткнул нож еще раз.
Прямо в сердце.

Маша Заречная

– Жила-была девочка Маша, и была в голове у ней каша! – изрек отец и в сердцах стукнул кружкой об стол.

Кофе выплеснулся на пластик. Любаша тут же вступила в бой. Как будто ждала сигнала.

– Ну чего ты стукаешь? Чего стукаешь?

Она вытерла стол тряпкой и нависла над щуплой фигуркой отца.

– Правильно она сделала! Чего ей в этом гребаном архиве делать? Там мухи дохнут, не то что девки молодые! Денег – кот наплакал, а пылищи – хоть мешками каждый день выноси! Она там астму заработает, если не хуже чего-ни-будь!

Маша покосилась на мачеху. Сейчас наговорит. Любаша словно услышала и наддала.

– А тяжести какие таскать приходится! Папки эти! Они ж пудовые! А ты их туда-сюда, туда-сюда! Грыжа к старости обеспечена!

– Да чего ты несешь? Какие папки! Не знаешь ничего! – попробовал построить оборонительные сооружения отец.

Но Любашу было не остановить. Швырнув мокрую тряпку в раковину, она уперла руки в бока и пошла в наступление:

– Сам ничего не знаешь, старый хрен! В магазине ей знаешь сколько платить станут? Тебе и не снилось! Она не только сапоги на зиму, еще и шубу каракулевою купит с лисьим

воротником!

Маша представила себя утопающей в каракулевой шубе и поежилась. Не дай, как говорится, боже! Но Любаше перспектива лисьего воротника придавала новых сил.

– Да в антикварный только богатые ходят! Сплошь олигархи! Выбирай любого! А уж красота какая вокруг! Тут тебе и часы с кукушкой золотые, и статуи всякие, и хрустали! Сразу уровень культурный вырастет!

– Ага! До небес! Как пойдет в продавщицы, так сразу и окультурится! Для этого она, что ли, пять лет в институте училась?

– Тю! В институте! – передразнила мачеха. – Да дурацкий твой институт! Ты подумай! Историко-архивный! Тьфу! Даже выговорить невозможно! Антикварный салон! Это звучит!

– Гордо, что ли? – покосился отец.

Кажется, он начал сдавать позиции. Конечно! Куда ему против Любаши!

– Да! Это звучит гордо! – заявила она и шлепнула на стол тарелку с оладьями. Оладьи подпрыгнули, словно подтверждая ее правоту.

Понимая, что бой окончен, Маша быстренько ухватила теплый оладушек и смылась к себе в комнату. Уф! Кажется, все не так плохо. Она прислушалась. На кухне было тихо. Вовремя Любаша со своими оладьями. Отец, конечно, так просто не сдастся. Еще долго будет в ее присутствии хмурить

брови и бурчать под нос, но это уже не так страшно.

Главное сделано. Они знают.

Теперь можно перейти ко второму этапу эпохальных преобразований – стать продавцом в самом шикарном антикварном магазине Питера. Точнее, продавцом она уже стала. Так сказать, де-юре. Осталось начать. А начать нужно прямо с завтрашнего дня.

В комнату заглянула довольная собой Любаша.

– Ну чего ты тут? Пойдем кофе-то пить. Папка твой уже ушел.

– Злой?

– Да злой покамест, но это все фигня! Вечером я ему супчику нажористого налью, он и пообреет. Пойдем на кухню. Надо пенку на бульоне не пропустить, а то весь суп медным тазом накроется на хрен!

Маша пошла на кухню, в который раз удивляясь, что ей так повезло с мачехой.

Пить отец начал еще при жизни мамы. Сначала все было прилично и вполне терпимо, но не прошло и пяти лет, как он остался без работы, а семья без питерской квартиры. Переезд в хрущевку на краю Ленинградской области подкосил и без того иссякшие силы матери. После ее смерти отец запил пуще прежнего. Маше тогда только-только стукнуло двенадцать, брату Саньке – семь. Деваться было некуда, и обоим казалось, что выхода вообще нет и никогда не будет.

В промежутках между запоями отец то и дело устраивал-

ся куда-нибудь работать, ясное дело, не по специальности. Пьющих саксофонистов везде хватало и своих. Наконец его взяли грузчиком в продовольственный магазин, по привычке называвшийся супермаркетом.

Что заставило кассиршу этого самого супермаркета Любашу обратить внимание на опустившегося алкаша, осталось тайной. Женщина была в самом соку, недостатка в кавалерах не имела, зарплата хоть небольшая, но стабильная, кроме того, имелась своя квартира со всеми удобствами. Потом Маша не раз пыталась выяснить, зачем такой женщине понадобился горький пьяница с двумя детьми. Любаша пожимала плечами:

– Пожалела мужика.

И все. Маша понять этого не могла. Сама она жалела отца, талантливого музыканта, потерявшего все, но это было объяснимо – она дочь. Любашин мотив казался ей просто блажью и глупостью.

Однако Любаша оказалась крепким орешком. Не прошло и года, как отец перестал пить и устроился на работу в оркестр городского дома народного творчества. Любаша ловко продала обе квартиры, и они поселились в собственном небольшом домике, где места, однако, хватило всем. Своих детей у тридцатипятилетней Любаше не было, да она, похоже, и не стремилась. Ей хватало приемышей и мужа, который стал для нее самым младшим ребенком.

Маша привыкла к мачехе на удивление быстро. Ее дере-

венская кондовость девочку не смутила, даже наоборот. Сама резкая и грубоватая Маша нашла в новой жене отца почти что подругу. Вообще, с друзьями у Маши было туговато. В Питере она передралась со всеми во дворе, в том числе и с девчонками. За то, что называли отца алкашом и кидали в него чем попало, когда он почти ползком возвращался домой после очередной попойки, за то, что смеялись над обносками, в которых ей приходилось ходить, за то, что лупили по чем зря Саньку, за маму, которая от стыда не смела глядеть соседям в глаза, короче, поводов было достаточно. Дом, в котором они жили, был, что называется, «приличным», алкоголиков там не привечали, поэтому, когда семья перебралась в Кириши, Маша даже обрадовалась, резонно полагая, что в этом городке ее отец будет не одинок.

Однако с друзьями и тут вышла незадача. Местные ребята на них с братом смотрели, будто они прибыли с другой планеты. Переехать из Питера в районный центр с населением чуть больше пятидесяти тысяч, для них было чем-то непостижимым.

Очень скоро для Маши все стало по-прежнему: склоки-драки и в результате – полное одиночество.

Плюс от такой жизни вышел только один. Учитель физкультуры из школы, в которой они с братом учились, однажды увидев, как девочка отбивается от насевших на нее троих мальчишек, взял ее за руку и отвел в секцию айкидо. Сама она была уверена, что ей больше подошло какое-нибудь

боевое самбо или карате, но в городе имелось только айкидо. И это стало ее спасением. В секции ее научили контролировать агрессию, управлять эмоциями и помогли направить свою молодую силушку в позитивное русло. За прошедших с тех пор десять лет из угрюмой девочки-драчуни Маша превратилась в обладателя черного пояса и третьего дана этого боевого искусства.

Окружающие не сразу заметили метаморфозы, произошедшие с юной грубиянкой. Долго не замечала их и сама Маша, пока однажды Любаша, недавно появившаяся в их семье, не сказала:

– Мне бы, Маня, твою красоту и интеллигентное воспитание, я бы в секретарши к гендиректору на нефтяной завод пошла.

Маша тогда долго рассматривала себя в зеркало. Особой красоты в скуластом лице она, правда, так и не обнаружила, но припомнила, что в последнее время пацаны, зло задиравшие ее при каждом удобном случае, теперь подходят просто пообщаться, да и учителя перестали цепляться довольно давно. С девчонками Маша по-прежнему общего языка не находила, а может, и не искала, однако изгоем себя уже не чувствовала.

Апофеозом того, что Маша уже не злюка и грубиянка, а приличная и умная девушка, стало ее поступление на историко-архивный факультет солидного питерского вуза. Там когда-то училась мама, и это стало решающим аргументом

при выборе. Домашние были слегка удивлены, но сочли, что все к лучшему. Там, среди бумаг и умных книг, Маша станет еще спокойнее, рассудительнее и интеллигентнее. И тогда ее сразу возьмут замуж.

Занятия айкидо она не бросила, ездила к своему сэнсэю все студенческие годы. На жалостливые причитания родных отвечала, что ничего менять не станет, а если они думают, будто ей тяжело мотаться туда-сюда, то пусть не печалятся – препятствия, как говорил основатель айкидо Морихэй Уэ-сиба, не должны мешать установлению равновесия в ее внутренней вселенной. Понятно?

Отец с Любашей переглядывались и дружно кивали. Конечно понятно. Чего ж тут непонятного?

Получив диплом, Маша вернулась в Кириши и легко устроилась в архив районной администрации. Все, казалось бы, оборачивалось неплохо. В администрации работали люди солидные и сплошь образованные. Года через два можно будет присмотреть из них жениха и зажить своим домом. Так или примерно так рассуждали Любаша и отец, полностью находившийся под ее влиянием. Но тут случилось то, о чем Маша долго не решалась объявить домашним. Решение устроиться работать в антикварный магазин, несомненно, расходилось с семейной доктриной, повествующей о том, как должна сложиться ее жизнь.

Рассудив, что главным омбудсменом в семье является, несомненно, мачеха, хитрая Маша решила обработать сна-

чала ее. Нарисовав заманчивую перспективу, которую сулит статус продавца-консультанта в богатом столичном магазине, она без труда завербовала ее в качестве тяжелой артиллерии на случай, если отец, ставший с годами мнительным и пугливым во всем, что касалось детей, станет возражать и ругаться.

Теперь, когда по крайней мере первый бой был выигран вчистую, женщины на радостях решили, как сказала Любаша, «испить кофею» со сгущенкой и даже открыть коробку с конфетами, купленную к празднику.

– А комната хорошая? Чего там у тебя есть? – поинтересовалась Любаша, когда падчерица рассказала, что сняла жилье недалеко от работы, почти в самом центре.

– Да все есть! – радостно ответила Маша и запихнула в рот конфету.

На самом деле комната, на которую у нее хватило денег, была совершенно «убитая». В самом глубинном понимании этого слова. Долгое время хозяин тринадцатиметровой жилплощади в четырехкомнатной коммунальной квартире хранил там всякое барахло, которое не поместилось в новом доме. За несколько лет мыши превратили барахло в хлам, а само помещение – в «мерзость запустения». Решив сдать комнату, хозяин ничего вывозить не стал, рассудив: кому надо, тот пусть и вывозит.

Маша взяла в архиве отпуск и, сказав домашним, что едет к подруге в Краснодарский край, принялась за уборку «авгис-

евых конюшен». Хорошо, что комната находилась у входной двери, иначе остальные жильцы вынесли бы ее вместе с мусором, который, кроме всего прочего, еще и вонял. За месяц непосильного труда комнату все же удалось худо-бедно прибрать и даже заставить нормальной мебелью. Дешевенькой, конечно, зато новой. Наконец на окнах появились занавески, и Маша решила, что жилье вполне пригодно для жизни. Большого от него и не требовалось.

Обо всем этом она решила никому не рассказывать, но любопытная Люба требовала подробностей.

– А телевизор есть?

– А то! – ничтоже сумняшеся кивнула Маша, вспомнив, что у одного из соседей на кухонном столе стоит малюсенький телевизор.

– А холодильник?

– Как без него! – положив в рот еще одну конфету, প্রশамкала падчерица, только пару дней назад вывесившая за окно пакет с продуктами.

– Ну и заживешь ты, Маня! Как принцесса на горошине!

– Куда принцессе! Бери выше! Как королевишна на перине! – хвастливо заявила Маша и потянулась за новой конфетой.

Без конфеты эту ее новую квартиру не переварить.

Хорошо еще, что Любаша не поинтересовалась, есть ли у нее ванная.

Лев Моисеевич

Первый рабочий день в антикварном магазине начался с «поверки личного состава». Проводил мероприятие директор – Лев Моисеевич Суслин, фигура, по мнению Маши, невозможно привлекательная и донельзя харизматичная. Основной достопримечательностью этого человека были голова и уши. Вернее, левое ухо, отличавшееся от собрата гораздо большим размером и исключительной оттопыренностью. Причину столь разительной разницы ей объяснила продавец Наташа. Оказывается, Лев Моисеевич лет тридцать безнадежно глух на правое ухо. Левым пользуется на всю катушку, посему активное ухо и приобрело такой вид. Что касается головы, то она, напротив, была слишком маленькой для взрослого человека, к тому же ее размеры существенно уменьшала обширная лысина. Впрочем, это не мешало голове отлично соображать и быть абсолютно уверенной в своей исключительной привлекательности. Войдя в магазин, Лев Моисеевич первым делом отправлялся к зеркалу и проводил перед ним не менее пяти минут. И только потом, видимо убедившись в своей неотразимости, отправлялся на рабочее место.

Маша влюбилась в директора с первого взгляда. И пусть Лев Моисеевич был на редкость вздорным старикашкой, пусть обожал не просто орать на сотрудников, но еще и то-

пал при этом ногами, пусть за малюсенькое пятно на витрине драл продавцов, как сидоровых коз, пусть никому ни разу в жизни не повысил зарплату, она решила, что будет обожать его до конца своих дней. Почему-то ей казалось: если бы у нее был жив дедушка, то она бы хотела, чтобы он был копией Льва Моисеевича. Остальные сотрудники, включая тех, что работали в двух других магазинах, вряд ли разделяли ее мнение – и, возможно, были правы, ведь хороших начальников не бывает. Но каждый раз, когда директор появлялся в поле ее зрения, Маша испытывала прилив умиления. Какой же он все-таки мимимишный! Страшненький, смешной, но такой очаровательный!

Особенно ее подкупила реакция директора на ее знаменитую фамилию. Обычно люди, особенно мужчины, на ее фамилии пиарились как интеллектуалы и знатоки русской классической литературы. Основных текста было два. Одни говорили:

– Заречная? Случайно, не Нина? Ах, как жаль! Были бы тезкой чеховской героини! Обожаю «Чайку»!

Второй звучал с точностью до наоборот:

– Заречная? Надеюсь, не Нина? Терпеть не могу эту вымороченную героиню вместе с пьесой!

Лев Моисеевич, услышав ее фамилию, тут же заявил:

– Отличная фамилия! Винтажная! Прекрасно подходит для антикварного салона!

Маша улыбнулась. Ну до чего хорош!

Поверка была частью обряда посвящения нового сотрудника в ряды антикварных рабов, вернее, рабов антиквариата, как называл их директор.

Машу познакомили с остальными работниками и вслух зачитали ее должностную инструкцию. Видимо, для того чтобы предупредить будущие нарушения и отрезать пути к отступлению.

В магазине на Большой Морской работало семь человек. В зале постоянно находились трое продавцов – Маша с Наташей и Костик. Уборщица приходила после закрытия, бухгалтер и директор сидели по кабинетам, но существовал еще один персонаж – «протиральщица». Звали ее Изольда Христофоровна, и занималась она исключительно протираанием всевозможных поверхностей – витрин, мебели и предметов, выставленных на продажу. Появлялась она в зале каждые два часа, и совершенно неважно, заходил ли кто-нибудь в салон. Методично перемещаясь между витринами, Изольда Христофоровна протирала стекла, обмахивала специальной метелочкой антикварные предметы, потом окидывала территорию орлиным взором и молча удалялась до следующего своего дефиле. Лев Моисеевич относился к «протиральщице» с трепетом, постоянно повторяя, видимо в назидание остальным, что такой чистоплотной дамы он еще не встречал.

Был, правда, еще сотрудник вневедомственной охраны. Его стол располагался в небольшом холле между двух стеклянных, во всю стену, дверей. У каждой были установлены

специальные тепловые завесы, поэтому в холле всегда тепло. Сквозь прозрачные стекла отлично видны и улица, и торговый зал. Охранника тоже все видели, и это ужасно ему мешало. Словно в аквариуме, блин! Приходилось целый день пялиться в монитор, а можно было размяться, поприсесть или выйти покурить на крыльцо, поиграть в телефоне, в конце концов. Впрочем, в телефон смотреть все же удавалось. Не дурак.

Маше было жаль бедолагу, а Костик наблюдал за страдающим от безделья человеком с удовольствием. В перерыве, уминая принесенный хозяйственной Наташей пирог, он смешно изображал муки прикованного к столбу Прометея. Наташа смеялась, прикрывая рот ладошкой. Костик ей нравился.

На должность продавца-консультанта в антикварный магазин ее порекомендовала бывшая однокурсница, соседом которой по лестничной площадке являлся Лев Моисеевич Суслин. Сам он тоже был наемным работником, но хозяин магазина, которого никто из сотрудников в глаза не видел, доверял подбор персонала именно ему. За много лет Лев Моисеевич ни разу не ошибся, так как у него в этом деле имелся свой секрет.

Секрет заключался в том, что каждый претендент на место должен был пройти личное собеседование у супруги Льва Моисеевича – Бины Рафаэльевны.

Сперва Маша решила, что из всех потенциальных сотруд-

ниц женского пола жена директора выбирает наиболее безопасных для супружеского ложа. Так сказать, не вводящих в искушение. Но оказалось, что Бина Рафаэлевна подходила к отбору на полном серьезе и вполне научно. Однако это Маша поняла не сразу.

Квартира Суслиных представляла собой мини-филиал антикварного магазина или даже музея. Маша вошла и на миг зажмурилась от обилия золота, серебра, картин в тяжелых позолоченных рамах и мраморных статуэток на шкафах, полках, тумбочках и комодах из красного дерева. Отвернувшись, она скинула куртешку, пристроила ее на какую-то скамейку, пригладила волосы и только тогда обернулась к вышедшей ей навстречу хозяйке дома. На антиквариат она больше не смотрела. Нечего пялиться на чужое добро. Не за этим пришла.

Бина Рафаэлевна, имея в анамнезе чистокровное семитское происхождение, всю жизнь прожила в России, хлебнула в этой замечательной стране немало лиха и являла собой поразительную смесь настоящей русской бабы с истинно еврейской тетушкой.

Лев Моисеевич называл ее в зависимости от ситуации Картиной Рафаэля или Мудростью Вселенной, потому что имя Бина в переводе с какого-то из еврейских языков означало «мудрость».

Внешне Бина Рафаэлевна ни одно из бессмертных творений Рафаэля не напоминала даже отдаленно. Крупная голо-

ва на короткой шее упиралась в могучие борцовские плечи, ниже располагалась не менее значительная грудь, все остальные части тела были гораздо миниатюрнее и прятались под необъятными темными одеждами.

Пока Маша рассматривала Бину Рафаэлевну, супруга директора не скрываясь разглядывала посетительницу. Постояв так с полминуты, хозяйка подняла бровь и выкинула в сторону полную руку.

– Добрый день. Прошу.

Они прошли в гостиную, где хозяйка сразу указала на кресло у окна. Маша, не глядя по сторонам, села. Бина Рафаэлевна устроилась напротив, причем так, чтобы ее лицо оставалось в тени, тогда как собеседница была видна как на ладони. Смысл маневра Маша разгадала в одно мгновение, поэтому нахмурилась и стала смотреть в окно. В конце концов, даже отличное место не стоит того, чтобы позволять делать из себя экспонат Кунсткамеры.

– Лев Моисеевич сказал, что вы окончили весьма приличный вуз, – начала Бина Рафаэлевна.

– Достаточно приличный, – согласилась Маша.

– Ваша специальность называется «архивариус»? – продолжила Бина Рафаэлевна.

– Правильнее сказать «архивист», хотя официально я – специалист по экспертной оценке и реставрации архивных и антикварных документов, – поправила Маша.

– Звучит круто! – воскликнула Бина Рафаэлевна.

– И гордо! – подтвердила Маша.

И тут Бина Рафаэлевна выдала:

– Ну и на хрена с таким образованием ты потащишься в продавщицы?

– Да чтобы было с чем этот хрен кушать, – любезно ответила Маша и посмотрела Бине Рафаэлевне прямо в глаза.

На этом допрос закончился, причем самым неожиданным образом. Бина Рафаэлевна закинула голову и расхохоталась. Ее басовитый смех отозвался звоном каких-то стеклянных вазочек на каминной полочке. Одновременно забили большие напольные часы, где-то что-то застучало и в гостиную быстрым шагом вошел хозяин.

– Картина моя, что тебя так рассмешило? – спросил Лев Моисеевич, стрельнув глазами в Машу.

Бина Рафаэлевна утерла слезы и, тыкнув в претендентку пальцем, изрекла:

– Бери ее, Суслик! Бери, не ошибешься! Ибо некорыстна и к юмору чувствительна.

Лев Моисеевич поморгал коричневыми глазками. Наверное, ему было неловко перед Машей за столь откровенное освидетельствование. А может, просто не ожидал, что оно закончится так быстро?

В магазин ее взяли, а Бина Рафаэлевна в тот же день неожиданно пригласила на день рождения Льва Моисеевича, который обещал случиться через месяц.

Последнее Машу несколько смутило. А это нормально –

позвать продавщицу на день рождения директора?

Ширяев

Раздумывать над странным порывом Бины Рафаэлевны было, однако, некогда. Кроме новой работы, существовала еще одна проблема, решить которую следовало незамедлительно. Надо было найти в обозримом пространстве клуб айкидо, где она могла бы тренироваться. Она нашла два. Один все же располагался далековато. Все равно что опять начать мотаться в Кириши. Только теперь частое появление на пороге родного дома чревато многочасовыми разборками с отцом, который так и не принял новации в дочкиной жизни. Нет. Надо искать возможность для занятий в Питере. Ведь не может же быть, чтобы в городе не было приличного клуба? К тому же ее тренер из Киришей настаивал, чтобы она искала клуб с сильным составом.

– У меня самого только третий дан, многому научить уже не смогу. Тебе нужен кто-нибудь покруче, – сказал он ей напоследок.

Второй вариант был гораздо ближе, и Маша, позвонив по указанному на сайте клуба номеру, договорилась с тренером, что придет посмотреть, как проходит занятие.

Полная радужных надежд и даже некоего трепета, она, проехав на маршрутке примерно полчаса, подошла к серому четырехэтажному зданию образца восьмидесятых годов. Бетонная коробка с панорамными стеклами была заполнена

всевозможными учреждениями и коммерческими структурами. Имелись даже сауна и бассейн. Клуб айкидо располагался на втором этаже. Удивившись, что внутри здания работает лифт, Маша вошла в кабину, решив просто ради интереса добраться до второго этажа с удобствами. Она не успела нажать кнопку, как в кабину буквально влетел здоровенный детина и, ткнув пальцем в цифру четыре, встал так, чтобы она не могла дотянуться и нажать свою.

– Мне на второй, – сказала она и попробовала просунуть руку между стеной и кожаным плечом детины.

– А мне на четвертый, – ответил тот и повернулся к ней лицом.

Вернее, не лицом, а разбойничьей рожей, которая нагло прищурилась и хмыкнула, разглядев, что перед ней молоденькая девчонка.

– Ничего, покатаешься со мной, – добавила рожа и ухмыльнулась.

Нет ничего хуже, чем начинать на новом месте с конфликта. Маша отдернула зажатую руку и отвернулась. Черт с ним! Если что, она спустится на второй этаж пешком.

В самом деле, незачем париться по пустякам.

Зал был открыт, и народу в нем оказалось немало. Двадцать парней и ни одной девушки.

Заходить прямо в зал было все же страшновато. Маша встала у двери, чтобы посмотреть тренировку. Ребята успели только поклониться сэнсёю, как вкрадчивый голос у нее над

ухом произнес:

– Если вы на балет, так он дальше по коридору.

Неторопливо обернувшись, она увидела ту самую наглую рожу, что явилась ей в лифте. Только теперь рожа сладко улыбалась.

– А если не на балет?

– Ой! А куда же? Нам чирлидерши без надобности! Или вы по другому вопросу?

Улыбка на наглой роже стала просто бескрайней.

– Ширяев, ты идешь? – крикнул кто-то из группы.

Мастер оглянулся, увидел Машу и, видимо догадавшись, кто она такая, приглашающе махнул рукой. Все еще робея, она зашла и села на низкую скамейку у стены. Владелец рожи быстро присоединился к товарищам. Тренировка началась.

Очень быстро Маша поняла, что уровень ребят гораздо ниже ее собственного. Они тоже работали в стиле «айки-кай», но, видимо, совсем недавно. Техники были проработаны слабо, нечисто, ребята делали слишком много лишних движений, пусть даже мощных. Ударная «атэми» тоже оставляла желать лучшего, как, впрочем, и болевые замки «кансэцу». Владелец наглой рожи и еще пара ребят двигались быстрее других, но их темп также казался недостаточным.

Маша приуныла. И эти люди советовали ей пойти на балет! С кем тут заниматься? Чтобы расти, нужен сильный противник, а тут одни любители балета!

Задумавшись, она не заметила, как тренер вышел из зала, и очнулась, только услышав знакомый голос:

– Девушка, раз уж вы все равно тут сидите, может, потренируетесь с нами? Сейчас будем работать с боккенами. Это палочка такая, похожая на меч, только деревянный. Мне как раз нужен мальчик для битья. Хотя и девочка сойдет. Не бойтесь, долго мучиться не придется.

Ширяев, ясное дело, просто выделялся перед товарищами и даже мысли не допускал, что девчонка поведется. Нет, она, конечно, поведется, да еще как, но не в том смысле! Вариантов два. Покраснеет и начнет обзывать или вскочит и убежит. В общем, как-то так. Но девчонка неожиданно встала и сбросила кроссовки. Неужели малышка не поняла, что он просто прикалывается?

Ширяев уже хотел отпустить пошлую фразу, типа «давайте мы без палочки обойдемся, у меня есть инструмент лучше», но девочка уже шла к нему, поднимая с мата боккен.

Несмотря на все старания местечкового мачо, Маша не рассердилась и даже не завелась. И на татами вышла не для того, чтобы его умыть. Когда она надевала кейкоги и завязывала черный пояс, то становилась другим человеком: не вспыльчивым и горячим, как в обычной жизни, а хладнокровным и спокойным, каким должен быть настоящий айкидока. Честно говоря, она даже не была уверена, что сделает все так же красиво и профессионально, как обычно. Просто хотелось понять, сможет ли она тут заниматься. Выпендрож-

ник Ширяев сам ее позвал, так почему не размяться?

Ширяев посмотрел недоуменно и повернулся к ребятам. Это как понимать?

В одно мгновение Маша достала его боккеном.

– Передумал?

Ширяев отскочил.

– Ты чего, малая, опупела, что ли?

И замахнулся оружием. Маша отбила удар и стала наступать. Минуту на роже еще гуляла улыбка, но скорее по привычке. Потом улыбка исчезла. Ее обладатель, несколько раз получив боккеном по ногам и животу, наконец понял, что все по-настоящему, и разозлился. Когда противник начинает сердиться, он проигрывает. Позорить парня Маша не собиралась, поэтому отскочила и положила меч. Может, без него у Ширяева получится лучше?

Она пошла прямо на него. Он кинулся навстречу и тут же полетел на татами.

– Диман, смотри не расшибись! – крикнул кто-то.

Парень расвирепел окончательно, и это решило исход боя. Маша неплохо владела атэми, поэтому могла не просто быстро и жестко ударить, а сместиться при этом с места атаки и обезопасить себя. Как ни старался Ширяев ее достать, ничего не вышло. Наконец коронным тычковым ударом она в очередной раз отправила парня валяться и сошла с татами.

Ребята расступились. Она подошла к скамейке и сунула ноги в кроссовки. Когда куда-то заходишь, сразу реши, как

будешь выходить. Обувь она поставила носами к выходу. Надела и, не оглядываясь, вышла за дверь.

Нет, пожалуй, здесь ей заниматься не придется. Куда же податься?

Телефонный звонок застал ее стоящей на крыльце в тяжком раздумье о своем будущем.

– Это вы были сейчас у меня на занятии?

– Да.

– Тогда не убегай далеко. Я к тебе спущусь.

Тренеру было уже за пятьдесят. Лысоватый, пузатенький и довольно невзрачный мужичонка. Таким он казался со стороны. Но Маша уже знала, что этот мужичонка – обладатель недостижимого для нее шестого дана, поэтому, когда он вышел к ней, заробела и неловко поклонилась.

– Михаил Юрьевич, рада познакомиться.

Тренер кивнул, не удивившись, что ей известно его имя.

– Эта группа тебе не подходит. Полицейские. Им «айкикай» нужен только в прикладном смысле.

Полицейские? Значит, наглая рожа Ширяев – мент? Представитель той самой силы, которая, как сказал поэт, «меня бережет»? Куда мы катимся?

– Я занимаюсь еще с одной группой. Там четыре человека всего. Два – третьих, один – четвертый, один – пятый. Пойдешь?

Четвертый и пятый даны? Ого! Маша заробела еще больше. Михаил Юрьевич это заметил.

– Я видел, как ты работаешь. Потенциал есть. Тебе нужны партнеры сильнее тебя. Так что?

– А сколько стоит занятие? – спросила Маша и покраснела.

Если очень дорого, то ей, скорей всего, пока не по карману.

– С этими я занимаюсь от клуба, поэтому денег не требуется, – спокойно ответил тренер.

Бесплатно? Нет, положительно, на свете есть Бог. И он ее любит!

Картина Рафаэля

День рождения директора, который Маша с любопытством ждала и боялась одновременно, принес ей новые открытия и новое имя.

Оказалось, что поздравить именинника явилось человек сорок. Некоторые из гостей были весьма колоритными персонажами. Особенно ее впечатлил дядя Льва Моисеевича, ортодоксальный еврей с пейсами и в диковинном пиджаке, называемом, как выяснилось, лапсердаком. Не менее живописно смотрелась группа из трех сестер хозяйки дома, вместе с которыми пришли их мужья, дети и внуки. Центром этой большой кучи был маленький мальчик, которого все звали Абрамчик. Маша так и не поняла, кому этот белокурый ангел приходится сыном. Все хлопотали вокруг него так, словно именно он был пупом земли. Машу мальчик выделил из толпы сразу, уставился огромными шоколадными глазами и вдруг заявил:

– Ты похожа на мою кошку. Ее зовут Муся. Когда ее нет, ты будешь вместо. Я буду звать тебя Кошка Муся.

Маша посмотрела на стоящего перед ней малыша и по его лицу поняла, что вариант высказать возражения даже не рассматривается.

– Ладно, – сказала она, – тогда я буду звать тебя Пиратом. Абрамчик подумал и кивнул кудрявой головкой.

– Тогда говори – Пират семи морей.

– Заметано.

Маша протянула Пирату семи морей руку, которую он с достоинством пожал.

Оглянувшись, она заметила, что их разговор не ускользнул от внимательного взора Мудрости Вселенной, и поняла, что прошла еще один этап испытаний.

Абрамчик взял ее за руку.

– Пошли лучше сыграем в шахматы, а то тут скучно.

Маша послушно пошла в комнату, где на столике стояла шахматная доска. Играть она умела, но не очень любила, считая шахматы слишком медленным и занудным видом спорта. Пират семи морей обыграл ее в три хода и быстро расставил фигуры для новой игры. Маша приготовилась к позору номер два, но тут зычный голос хозяйки позвал всех к столу.

Ее посадили рядом с очень красивой женщиной. Она представилась Элеонорой, а Лев Моисеевич, сидевший напротив, добавил:

– Наша милая Элеонора – хозяйка того шикарного ювелирного магазина «Сапфир», напротив которого имеет честь располагаться наш скромный салон.

– Вы преувеличиваете шикарность моего магазина, Лев Моисеевич. А вот ваш салон гремит на весь Петербург, – парировала красавица и нежно улыбнулась имениннику.

Все сидящие за столом тоже невольно улыбнулись.

Боже! Неужели такие женщины существуют в реальности, а не только в кино или на картинах? Маша покосилась на нежные, с тонкими пальцами руки соседки. Наверное, аристократка в десятом поколении.

Сразу захотелось выпрямиться и убрать локти со стола. Надо себя контролировать, а то, не дай бог, забудешься и чавкнешь.

– Кошка Муся, – позвал ее через весь стол Абрамчик, – ты будешь со мной пазлы складывать?

– Конечно, – сразу согласилась Маша.

Пазлы – это гораздо лучше, чем шахматы.

– Тогда я отдам тебе половину вишен из компота, – заявил малыш, и взрослые умиленно засмеялись.

– Муся – шикарно звучит! По-домашнему, – раскладывая по тарелкам закуски, сказала Бина Рафаэлевна.

Маше показалось, она хотела добавить что-то еще, но передумала.

– Мы все будем звать вас Мусей, – торжественно объявила тучная дама в бусах, грудями навешанных на богатырской груди.

Элеонора наклонилась к Маше.

– Можно я буду называть вас Марией? Это имя подходит вам гораздо больше.

Маша посмотрела на нее благодарно. Какая чуткая женщина!

В перерыве между блюдами Маша вылезла из-за стола

размяться и вышла в соседнюю комнату, которая оказалась точной копией остальных. Шкафчики, комодики, витринки. А на них – нагромождение статуэток, вазочек и разных приятных взору вещичек. Большая люстра сверкала хрусталем, радостно освещая всю эту красоту.

И как люди тут живут? Посидишь – и сам не заметишь, как станешь похож вон на ту серебряную раскоряку на полке! Только пыль собирает!

– Тошно? – спросила у нее за спиной Бина Рафаэлевна. – Живот не крутит от этого богатства?

Маша пожалала плечом и тут же почувствовала, как живот действительно слегка скрутило.

– Это все Лев Моисеевич собрал. Меня раньше тоже от всего этого тошнило, пока я его не полюбила.

– Кого? Богатство? – спросила Маша и отошла в сторону, впуская в комнату хозяйку.

– Нет. Льва Моисеевича.

Бина Рафаэлевна грузеной баржей проплыла мимо и плюхнулась на диванчик в углу. Диванчик охнул.

– Уф! Упрела, как коняка! – заявила она и стала интенсивно обмахиваться журналом, взятым со стола.

Маше стало интересно.

– У евреев замуж принято выдавать, а не выходить. Льва Моисеевича я долго на дух не выносила. Тьфу, думаю, суслик какой-то! Однако тетушки свое дело знали туго и нас все равно свели. Как бычка с телкой! Я ведь сначала думала, что

он жадный, а потом поняла: все это он копит впрок, чтобы мне голодать не пришлось.

Бина Рафаэлевна усмехнулась и бросила журнал обратно.

– Из семьи в тринадцать человек после блокады выжила только его мать. Лева родился в пятидесятых, когда уже было что покушать, но страх перед голодом ему с молоком матери передался. Та всю жизнь куски прятала, а Левушка стал собирать все, что можно обменять на еду. Понимаешь, девочка, все, что ты видишь, – это его любовь ко мне. Он думает, что если все опять станет плохо, то я с голодухи не помру. Ему ведь ничего этого не надо. Он за меня всю жизнь боится.

Бина Рафаэлевна поднялась и одернула платье.

– Когда я это поняла, полюбила своего Суслика всей душой! И ни на кого его не променяю!

– Я думала, вы его ревнуете, поэтому сами отбираете сотрудниц, – зачем-то сказала Маша.

Бина Рафаэлевна ничуть не удивилась.

– Ревновала. Но недолго. Первые тридцать лет. Он ведь ходок был! Да еще какой! А потом понял, что ничего нового все равно не покажут, и вернулся, так сказать, в лоно семьи. Так что, пойдем еще покушаем или как? – неожиданно закончила хозяйка.

– Покушаем, пожалуй, – согласилась Маша.

И они с Биной Рафаэлевной улыбнулись друг другу.

«Я люблю их обоих», – подумала Маша и полезла на свое

место за столом.

– Кто на мой пирог с курой? – закричала хозяйка, вынося из кухни исходящее горячим паром блюдо.

– А он кошерный? – поинтересовался Абрамчик.

– Радость моя, это же мясо из супермаркета! Где тут кошерность! – воскликнула Бина Рафаэлевна.

Оказалось, проблема кошерности волновала только ребенка, все остальные, включая ортодоксального дядю, поглощали чудо кулинарии с аппетитом. Маша, которая в последнее время ввиду крайней скудности бюджета питалась не очень хорошо, окончательно объелась и стала засыпать. Это было ужасно, потому что возвращаться предстояло через полгорода, сначала на маршрутке, потом на метро.

Ее спасла Элеонора, объявившая радушным хозяевам, что, к сожалению, вынуждена их покинуть, и предложившая захватить юную гостью с собой.

– Дорогая Муся, вы можете смело довериться нашей дивной Элеоноре, – заявил вконец охмелевший Лев Моисеевич.

Маша радостно побежала за курткой. Бывают же на свете такие приятные люди!

Хозяйка ювелирного магазина довезла окончательно сомлевшую Машу до дома и, прощаясь, сказала:

– Заходите ко мне. Просто так. Поболтать. По вторникам и четвергам у нас мало покупателей. Можно позволить себе немного расслабиться.

Взглянула на смущенное Машино лицо и добавила:

– Я умею варить очень вкусный кофе. Вы любите робусту или арабику?

Маша что-то пробормотала и быстренько выбралась из машины. Он бывает разный? А она-то думала, что молотый или растворимый!

Прекрасная Элеонора

Три дня Маша решала, было ли приглашение на кофе просто данью вежливости или с ней действительно хотят общаться, а потом собралась с духом и, дождавшись четверга, отправилась в ювелирный.

В салоне в самом деле никого не было. Девушка за стеклянным прилавком на звук колокольчика подняла голову и улыбнулась профессиональной улыбкой.

– Здравствуйте, чем могу помочь?

– Это ко мне. Проходите, Мария.

Маша посмотрела на появившуюся из боковой двери Элеонору и снова подумала, что подобные женщины бывают только в кино про высшее общество и долгие вета.

Маша прошла в кабинет хозяйки, который оказался таким великолепным, что она тут же застыдилась своих старых кроссовок из кожи «молодого дерматина» и кургузого свитерка. Присев за маленький столик, который хозяйка магазина назвала кофейным, Маша засунула ноги поглубже под кресло и откашлялась. Какого черта она вообще приперлась в эти королевские чертоги?

Однако Элеонора не обратила никакого внимания ни на нищесловесную обувь, ни на ее смущение. Маше даже показалось, что она рада гостье. Может быть, красавице действительно не с кем поболтать просто так? Только почему она

выбрала именно ее, Машу?

Подозревая, что ответ на этот вопрос быстро не отыщется, она решила не париться и просто наслаждаться общением с прекрасной Элеонорой, пока есть такая возможность.

Она стала захаживать в ювелирный. Не слишком часто, чтобы не надоест. И всегда ей были рады, звали приходиться почаще. Маше было приятно, однако поверить в то, что Элеоноре с ней интересно, она не могла. Ну не могла, и все тут!

Однажды Элеонора сама позвала ее. Хотела, чтобы Маша оценила ее наряд для театра. Маша перелетела через дорогу как на крыльях.

Элеонора в коротком черном платье без рукавов стояла перед зеркалом и застегивала на запястье браслет. Тот не давался.

Маша с радостью помогла и отошла на несколько шагов, чтобы полюбоваться.

– Элеонора, вам так идет черный цвет! – искренне восхищалась она.

– Вообще-то я уже в том возрасте, когда черного следует избегать. Он затемняет лицо и морщины подчеркивает. Но бриллианты на нем сверкают ярче! Это правда! Поэтому не могла удержаться!

Стоя перед зеркалом, Элеонора сложила губы в ироничную улыбку и стала еще прекрасней.

– Один мой друг однажды рассказал поучительную историю о том, как австрийцы устроили роскошный бал в то вре-

мя, когда в России был траур по почившему великому князю. Этого российская императорская семья простить не могла и однажды очень красиво отомстила. Представь, в Аничковом дворце намечен бал, но за день до этого умирает австрийский эрцгерцог Рудольф. Праздник надо отменять, иначе международный скандал! Однако императрица придумала изящный ход. Велела всем дамам явиться в черных траурных платьях. А на черном, как вы уже поняли, драгоценные камни смотрятся еще ослепительнее. Это было что-то! Всех превзошла сама Мария Федоровна, жена Александра Третьего, которая обожала украшения. Она надела столько бриллиантов, что буквально сияла! Причем играли, как назло, только венскую музыку. Этот «бал нуар» иностранные дипломаты назвали кошунством. Но здорово, правда? Так элегантно отомстить австрийскому двору! А что? Могли себе позволить!

Маша живо представила огромную «бальную залу», заполненную вальсирующими парами. Дамы в черных туалетах, кавалеры – в черных фраках. Настоящий бал у Воланда!

– Я давно хотела вам сказать, Мария, – начала вдруг Элеонора, – что... Нет, не так. Мне кажется или вы действительно комплексуете в моем присутствии?

Маша моргнула.

– Вы, наверное, считаете, что я голубых кровей?

– Ну... да. А разве нет?

Элеонора закинула голову и от души рассмеялась.

– Мое отчество – Степановна. А девичья фамилия – Опанасенко. Элеонора Степановна Опанасенко. Звучит? До сих пор ума не приложу, что заставило токаря Степу и бухгалтершу Галю назвать свою дочь диковинным именем. Лучше бы я была Люсей, честное слово. Надо было пойти и поменять имя. А я, дура такая, решила, что менять надо фамилию. По фамилии мужа и выбирала. Стала Элеонора Крамер. И что? Ей-богу, Люсей Опанасенко я была бы счастливее! Так что не думайте, будто рядом с вами принцесса крови!

Маша была поражена. Конечно, она не сомневалась, что в прекрасной Элеоноре течет кровь потомственной дворянки! Осанка, манеры, речь. Разве этому можно научиться?

– Этому можно научиться, – словно услышав ее мысли, произнесла Элеонора и изящно отпила из крошечной чашечки.

Маша взглянула недоверчиво.

– Не поверите, но все не так безнадежно. Сначала, конечно, придется очень жестко себя контролировать, но потом сформируется привычка. Держать спину, втягивать живот, сидеть, стоять, говорить. Труднее всего следить за жестами, особенно если эмоции бьют через край. Я перед зеркалом репетировала, представляете? Запоминала, как красиво, а как – нет. Хорошо, конечно, покрутиться среди благородного сословия. Там учишься всему быстрее. Муж водил меня на премьеры, выставки, презентации всякие. Это была отличная школа.

– Для меня это недоступно, – честно призналась Маша.

– А вы уверены, что вам это нужно? – Элеонора вдруг взглянула на нее очень внимательно.

– Ну... не знаю...

– Мне кажется, в вас уже есть все, что нужно. Поверьте.

Маша посмотрела с сомнением. В ней?

– Знаете, почему мне приятно общаться с вами?

– Ума не приложу, если честно, – призналась Маша.

– Помните, вы говорили, что все называют вас по-разному? Отец, его жена, Лев Моисеевич.

– Ага. Как кому в голову взбредет.

– Все не так. Просто они видят в вас разные качества.

Нежная и изысканная – это Мария, простая и добродушная

– Маня, скромная и доверчивая – Муся, прямая и честная

– Маша.

– Брат зовет меня Маняшей.

– Значит, вы для него – домашняя и уютная. И все это в вас есть, только вы пока не осознаете.

У Маши даже рот открылся. Не ожидала услышать подобное. Элеонора улыбнулась.

– Мне уже за сорок, и детей, скорей всего, не дожждаться. Да я уже и не хочу ничего. Наверное, я вижу в вас кого-то, кому хотела бы передать все, что накопила за жизнь.

– Мне ничего не надо! – вскрикнула Маша, испугавшись.

Элеонора посмотрела на нее и вдруг перекрестилась.

– Святые угодники! Да я вовсе не магазин свой имела в

виду! Чего вы всполошились? Помирать пока не собираюсь. Я говорила о... не знаю даже... об опыте, наверное.

– А почему мне?

Маша все не могла поверить, что прекрасная Элеонора говорит серьезно.

– Хочу помочь вам сблечь то, что я в вас вижу. То, что видят многие. Кстати, Бина Рафаэлевна сразу сказала мне: вы – девочка морозной свежести и алмазной чистоты.

– Ух ты!

– Напрасно иронизируете. Бина Рафаэлевна в людях ошибается редко. Вам известно, что Лев Моисеевич называет ее...

– Мудростью Вселенной? Да, знаю.

– Так смею вас уверить, что это таки правда, – одесским говорком сказала Элеонора.

Маша засмеялась и подумала, что впервые услышала о себе так много хорошего.

Камея

Еще целую неделю она не могла отвязаться от воспоминаний об этом разговоре. Ей нравилось пережевывать и лелеять в сердце лестные характеристики своей, как ей всегда казалось, заурядной личности. А что такого? Не так уж много их выпало на ее долю! Но вместе с приятным и очень тепленьким чувством в душе копились сомнения. Что такого они все в ней видят? А вдруг ошибаются?

К суровой реальности ее вернул Лев Моисеевич. Сперва отчитал за беспорядок в бумагах, которые ей поручено было как раз в этот самый порядок привести, а потом ткнул носом в пятно от кружки на стеклянной поверхности витрины. При этом он, как обычно, орал во всю ивановскую, махал руками и топал ножкой. Маша только жмурилась, не в силах смотреть на выпученные от возмущения глазки директора.

Наконец вечером, когда Маша отсиживалась в комнате для персонала, решив, что сегодня ни за что не будет показываться директору на глаза, он сам призвал ее в свой кабинет. Прижав уши и гадая, где она накосячила на этот раз, она поплелась за Львом Моисеевичем.

– Смотри, – без предисловий начал он и сунул ей под нос коробочку.

Маша открыла и увидела прекрасную камею. На темной поверхности какого-то камня была вырезана изящная голов-

ка женщины в профиль. Маша не была специалистом, но сразу поняла, что работа очень искусная. Камея была вставлена в золотую оправу, украшенную драгоценными камнями. Сверху выгравированы буквы «А» и «Г». Сразу видно, что вещь дорогая и, скорей всего, старинная.

– Красивое украшение, – сказала она и выжидающе посмотрела на директора.

– Да, вещица не из сувенирной лавки, – кивнул Лев Моисеевич.

Ей показалось, он чем-то озабочен. Пожевал губами, потер левое ухо и испытующе взглянул на юную сотрудницу. Маша приосанилась. Никак, важное что-то хочет поручить.

– Мне нужна качественная экспертиза, только не официальная. Понимаешь?

Маша с готовностью кивнула, хотя ничего не понимала. Почему неофициальная? У них ведь не подпольный ломбард. Вещи с криминальным прошлым они все равно не покупают. Что не так с этой камеей?

– Ты общаешься с Элеонорой Крамер. Встреться с ней и спроси, сможет ли она стать экспертом.

– А вы сами что же?

Маша посмотрела на лицо директора с недоумением. Лев Моисеевич сразу рассердился.

– Говорю же – конфиденциально! Если к ней обращается директор, то это уже официальное предложение!

Маша поняла, что не понимает вообще ничего. Суслин

вполне может спросить у Элеоноры о чем угодно как старый знакомый. Что за тайны Мадридского двора? Она уже открыла рот, чтобы потребовать объяснений, но тут же осеклась. Если после сегодняшней взбучки она станет еще чего-то выяснять, он ее вообще прибьет!

Пребывая в крайне недоуменном состоянии, Маша выскочила из салона и, перебежав улицу, зашла в ювелирный. Девушка за стойкой кивнула ей как старой знакомой.

– Привет, Маш.

– Привет, Ир. Элеонора у себя?

– Как всегда, – пожала плечами Ира и, заглянув Маше за плечо, раздвинула губы в сверкающей улыбке.

Подтолкнув замешкавшуюся в дверях Машу, в светлом кашемировом пальто нараспашку и белом костюме в магазин вошел «хозяин жизни». Он обвел зал невидящим взглядом и заявил:

– Мне какой-нибудь перстенок с камушком подороже. Где тут у вас?

Маша юркнула за стойку и бочком скользнула в коридорчик, куда выходила дверь директорского кабинета. Ира за ее спиной заливалась соловьем. Такие покупатели – ее клиентура. Без покупки еще никто не уходил.

Элеонора выслушала Машу, постукивая ноготками по витрине. Потом внимательно рассмотрела снимки камеи.

– Понимаю, чего хочет от меня Лев Моисеевич, но я не специалист по антиквариату, – задумчиво сказала она нако-

нец. – Тут нужен не просто оценщик или эксперт. Суслин отнес cameo к началу двадцатого века?

– Да. Сказал, что украшению как минимум сто лет.

Элеонора поправила завиток надо лбом, мимолетно коснулась виска, провела тонкими пальцами по подвеске на шее. Маша, как всегда, засмотрелась.

– Полагаю, вам нужен Музыкант, – вдруг решительно заявила хозяйка ювелирного.

– Какой музыкант? Зачем музыкант? Не надо нам никакого музыканта! – испугалась Маша.

– Музыкант – фамилия. А зовут – Яков Михайлович. Он историк. Много лет работал в Алмазном фонде, потом вернулся на родину. Сейчас служит в Эрмитаже. В антикварной ювелирке разбирается как никто. Он точно сможет помочь. Если заинтересуется, конечно.

– Лев Моисеевич заплатит за экспертизу, но он хотел бы сделать это неофициально.

– Я понимаю. Так бывает. Только Музыкант – человек особый. Он возьмется, если ему будет интересно. Хотя, думаю, эта вещица его заинтригует.

Элеонора вынула из сумочки телефон и наманикюренным ногтем набрала номер.

– Яков Михайлович, добрый день, – начала она и, кивнув Маше, удалилась в кабинет.

По ее лицу ничего понять было нельзя, но Маша почему-то вообразила, что у Элеоноры с этим Музыкантом на-

верняка роман. Иначе и быть не могло. Все мужчины при встрече с Элеонорой должны непременно в нее влюбляться.

– Он приедет в магазин послезавтра к двенадцати.

Элеонора была ровна и спокойна. А может, и нет никакого романа. И чего это ей везде романы мерещатся? Наверное, потому, что у нее самой их нет. А видно, хочется! Ведь хочется?

Наверное, на Машином лице отразились ее мысли, потому что Элеонора вдруг сказала:

– Вы очень красивы, Мария, вы знаете?

– Я?

Маша поразилась настолько, что даже села на хрупкий диванчик, стоящий возле стола директрисы.

– У вас совершенно необычное лицо. Финно-угорского типа.

– Папа говорит – «мордва».

– Вероятно. Овал. Скулы. Они точно оттуда. Хотя, полагаю, кровей в вас намешано немало. И именно это делает лицо таким притягательным. Черные волосы, белая кожа. Особенно хороши глаза. Очень светлые и как будто угольком обведенные. Прямо колдовские. И форма чудесная. Миндалевидная. У вас вообще не серийная внешность. Вы – представитель редкого типажа. Женщина-зима. Холодная зима. Кто-нибудь вам говорил?

Маша, совершенно сокрушенная услышанным, помотала головой. Элеонора мягко улыбнулась.

– Если позволите, я дам вам совет. Можно?

Маша кивнула и замерла.

– Чтобы открыть миру свою красоту, нужно чуть-чуть над ней поработать. Например, убрать эту гулю из волос на темени. Вы ведь не китайский мандарин. Нужна правильная стрижка. И тогда даже косметика не понадобится. Хотя глаза можно подчеркнуть. И еще... Одежду следует поменять. Вернее, цвет. Черный и серый, разумеется, практичны, признаю, но женщине зимнего типа идут совсем другие оттенки.

Элеонора села рядом на диванчик и заглянула Маше в лицо.

– Я вас не обидела?

– Откуда вы все это знаете?

– Мне всегда нравилась эта тема. Кроме того, по образованию я художник. Когда-то работала в компании, которая издавала глянцевого журнала. Хорошая школа.

– А в ювелирный как попали?

– Банально, – небрежно махнула рукой Элеонора. – Муж подарил при разводе. Обычно так и бывает.

Маша кивнула, словно и не сомневалась, что именно так и бывает.

– А что мне надо делать, чтобы... ну, измениться? Найти стилиста?

– Мне кажется, пока можно обойтись хорошим парикмахером. А там посмотрим. Если позволите, я вам немножко помогу.

– Поможете?

– А что? Мне было бы очень интересно! Разрешите?

– А то!

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Целый день у Маши было отличное настроение. Много ли человеку надо? Лев Моисеевич, похоже, успокоился, и Маша была довольна собой. Так быстро и ловко нашла эксперта! А тут еще перспектива превратиться в шикарную красотку!

Однако к вечеру она постепенно стала переживать. Вдруг резкая перемена в облике ее вовсе не обрадует, а как раз наоборот? Конечно, только дурак откажется от неожиданно появившейся возможности слепить из себя что-то лучшее. Стать «покрасивше», как сказала бы Любаша. Но все же как-то стремно.

Рабочий день приближался к концу, и она все чаще поглядывала в окно в ожидании прекрасной Элеоноры, ее, как выяснилось, феи-крестной. Наконец ювелирный закрылся. А что, если она забыла? Или передумала? Такой ли королеве возиться с провинциальной замарашкой!

Наконец хозяйка «Сапфира» вышла на крыльцо. Маша кинулась в подсобку за курткой и в мгновение ока выскочила на улицу. Элеонора помахала ей рукой и пошла к машине. Маша перебежала дорогу и потрусила за ней, чувствуя, как с каждым шагом где-то в животе растет дискомфорт.

Ехали всего ничего. Минут десять. Но когда автомобиль остановился у парикмахерской, Машин дискомфорт был уже

размером с мамонта. Зачем она согласилась? Кому мешала ее гуля? Хорошая гуля! Можно сказать, отличная! Волосы не мешают, и шее не жарко.

Элеонора оглянулась и, увидев, что Маша плетется за ней, еле переставляя ноги, взяла ее за руку и быстро подвела к маленькой женщине в джинсах и простой футболке.

– Света, это та девушка, о которой я говорила.

Парикмахер окинула клиентку наметанным взглядом.

– Отлично. Не будем терять времени.

И быстренько усадила Машу в кресло.

– Я должна предупредить, что всегда поворачиваю женщин спиной к зеркалу. Увидите уже результат.

Маша поняла, что ей конец, и закрыла глаза.

Вернувшись домой, она сразу бросилась к зеркалу и простояла перед ним не меньше получаса. Все не могла поверить, что эта прекрасная собой особа – она. Маша.

Как такое может быть, чтобы простыми ножницами сотворить нечто подобное? Вот кто настоящая волшебница! Парикмахер Света! Прямо Гарри Поттер какой-то!

Куда бы пойти, чтобы покрасоваться? Маша почесала нос и тут же отдернула руку. Красивые женщины носов не чешут!

Сегодня тренировка, может, там ее красоту кто-нибудь оценит? Хотя верится с трудом. Вряд ли парни вообще заметили, что она девушка. Что поделаешь, айкидоки! Им не до пустяков!

Маша вздохнула и пошла собирать спортивную сумку. Выходя из квартиры, она напоследок глянула в зеркало. Ну и пусть никто не заметит! Она-то знает!

Насчет тренировки Маша оказалась права, но на следующий день она все же получила свои пять минут славы.

– Ничего себе! Какая ты красивая! Теперь всегда так стригись! – восхитилась добрая Наташа.

– Мэри, блин! Вот это апгрейд! Тюнинг по полной! Так че, может, вечером прошвырнемся по Невскому?

Костик с готовностью пригладил соломенные патлы.

Наташа немедленно оскорбилась и ушла в подсобку. Вот кретин!

– Дурак ты, Костик! Лучше поищи накладную на подсвечники!

– Нашел уже. Вчера.

– Больше не теряй, а то что-нибудь важное профукаешь!

– Это ты о чем? – подозрительно покосился Костик.

Да, такого не прошибешь!

Заслышав громкий разговор, из кабинета тут же выбежал директор и застыл, словно пораженный молнией.

– Муся?

Маша покрутилась перед ним так и этак.

– Хороша! – сказал Лев Моисеевич и подумал, что прохвоста Костика надо бы перевести в магазин на Васильевском.

И вообще, надо присматривать за девочкой! Столько уха-

рей развелось!

Музыкант

На следующий день они со Львом Моисеевичем встречали Музыканта, который вопреки ожиданиям оказался совсем не старым человеком. Маша решила, что ему немногим больше сорока, но одет известный историк был так, словно явился из другой эпохи. Странного вида плащ с пелериной, твидовый костюм-тройка, брошь в форме головы оленя на лацкане и ярко-красная бабочка. Особенно впечатлили Машу трость и клетчатая шапка на голове, похожая на бейсболку, но с двумя козырьками, спереди и сзади, и ушами, связанными бантиком наверху. Потом Лев Моисеевич объяснил, что этот головной убор называется «шляпа охотника за оленями». После этого Маша впечатлилась еще больше. И где у нас тут олени?

В кабинете директора Яков Михайлович, сняв плащ и аккуратно пристроив свою удивительную шляпу на жардиньерку у двери, долго рассматривал камешку через лупу, потом потребовал сделать для него несколько фотографий высокого разрешения и спросил, сколько у него времени.

– В понедельник я должен дать владельцу ответ, – ответил Суслин.

– Могу я узнать имя владельца?

– Пока решение не принято, простите, нет.

– А бумаги?

– Владелец уверяет, что это просто семейная реликвия, не более того.

Яков Михайлович еще раз внимательно посмотрел на камю, а потом на Льва Моисеевича. Маше показалось, что он что-то напряженно вспоминает.

– Можете что-то сказать прямо сейчас? – спросил Суслин.

– Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, я уже встречал эту вещь.

– Уверены? – спросил Лев Моисеевич и подставил собеседнику левое ухо.

– Не хочу вас напугать, повторяю, что мне, возможно, изменяет память...

– И все-таки.

– Почти нереально... И все же, думаю, я видел эту вещь...

Лев Моисеевич пододвинул ухо еще ближе.

– Где же?

Ответ удивил.

– На фотографии. Эта камю могла принадлежать Александре Федоровне, жене последнего российского императора.

Яков Михайлович наморщил лоб.

– Минуточку. Возможно, мы проверим это прямо сейчас.

Он достал сотовый и стал что-то в нем искать.

– Слава богу, нашел. Все-таки профессиональная память не подвела.

И протянул телефон.

С экрана айфона на них смотрела императрица Александра Федоровна, сидящая в кресле с каким-то рукодельем в руках. Лев Моисеевич увеличил изображение, и они с Машей увидели на груди женщины знакомое украшение. Суслин смотрел на фотографию довольно долго.

– Да, похоже, это наша камея, – наконец сказал он и поднял глаза на Музыканта.

– Не хочу быть столь же категоричным, ведь вживую камею мне увидеть не довелось.

– Но вы...

– Да, я много лет занимался драгоценностями царской семьи, даже книгу написал, но не все они, как вы понимаете, сохранились. Утеряно довольно много. О судьбе именно этой камеи я сейчас поведать не могу. Мне нужно время.

Поскольку директор антикварного магазина и его престная помощница со светлыми колдовскими глазами молчали, Яков Михайлович понял, что от него ждут большего.

– Наверняка вам известно, что часть фамильных ценностей семье отрекшегося императора удалось забрать с собой сначала в Тобольск, а затем в Екатеринбург. Они спрятали все это в одежде, например в корсетах княжон. Один из тех, кто участвовал в расстреле Романовых, Юровский, вспоминал, что пули наганов рикошетом отскакивали от одежды царских дочерей и даже штык не мог пробить корсажа. Позже, когда тела убитых привезли к шахте и стали снимать с них одежду, обнаружили вшитые в корсеты драгоценности.

У Александры Федоровны в платье нашли жемчужный пояс, состоявший из нескольких ожерелий. У княжон тоже. Всего почти восемь килограмм драгоценностей. И это была лишь часть. Что-то осталось лежать на месте, где останки сжигали. Одно время все изъятое хранилось в подполе одного из домов Алпатьевска. Спустя год, когда красные снова заняли Екатеринбург, драгоценности достали и увезли в Москву. Что стало с ними потом, доподлинно не известно. По одной из версий, большевики просто разобрали украшения на составные части и продали по отдельности.

Яков Михайлович вздохнул, словно сокрушаясь о давней трагедии.

– Другая часть драгоценностей была передана царской семьей на хранение доверенным лицам еще в Тобольске. Монахиня Марфа Уженцева вместе с неким Василием Корниловым прятали их до тридцать третьего года, пока за ними не пришли. Тогда было изъято сто пятьдесят четыре предмета. Уженцеву и Корнилова расстреляли, а сами ценности, среди которых были и колье, и изделия Фаберже, и бриллианты, снова исчезли без следа. Специалисты считают, что с ними поступили так же – раздраконили и продали, чтобы пополнить оскудевшую казну. Кстати, малая часть фамильных драгоценностей из тех, что были найдены на Урале после гибели Романовых, хранится в мужском монастыре недалеко от Нью-Йорка. Но среди этих немногочисленных вещей камеи нет.

Яков Михайлович посмотрел на внимательные лица своих визави.

– Выскажу гипотезу, что данная камья могла быть среди тех драгоценностей, которые члены царской семьи тайно вывезли, направляясь в ссылку.

– Откуда такой вывод?

– Фотография, на которой на императрице кулон с камеей, сделана в Царском Селе уже после ареста в тысяча девятьсот семнадцатом году. Следовательно, украшение могло уехать с ней в Тобольск. Многие исследователи с этим согласились бы.

– Но вы думаете иначе? – спросила Маша.

– Разумеется, это только предположение, но рискну высказать мнение, что камья никуда не уезжала и была изъята или, скажем, просто украдена еще в Царском Селе. А значит, в период с восьмого марта по тридцать первое июня семнадцатого года.

– Что заставило вас так думать? – поинтересовался Лев Моисеевич и поднес поближе к Музыканту ухо.

– Вывезти старались только самое ценное в смысле стоимости и то, что можно было спрятать в одежде. Носить украшения открыто все равно было невозможно.

– А камья разве дешевая? – поразилась Маша.

– Отнюдь. Однако не настолько ценная, чтобы тащить ее через полстраны. Так что пытаться узнать, где украшение обитало до сих пор, – дело безнадежное. Если только вам не

расскажет сам владелец.

Музыкант испытующе взглянул на Суслина. Тот молчал.

– Однако, – продолжил Яков Михайлович, – могу попытаться выяснить, как и когда она появилась в России. Ну и авторство установлю, конечно. Мне будет интересно.

– Правда? – забывшись, спросила Маша.

Яков Михайлович посмотрел в наивные девичьи глаза и, улыбнувшись, кивнул.

– Безусловно. Сделаю заключение о подлинности изделия и при следующей встрече непременно поведаю историю появления камеи у Александры Федоровны. Специально для вас, мадемуазель.

Маша зарделась. Лев Моисеевич тут же выставил вперед ухо. А ну как этот Музыкант начнет кадрить юную неопытную особу? Надо быть начеку!

– Разумеется, ваш труд, господин Музыкант, будет достойно оплачен, – быстро сказал он, чтобы отвлечь Якова Михайловича от созерцания Мусиного лица.

– Не сомневаюсь и постараюсь дать свое заключение как можно быстрее.

– Сколько времени вам нужно реально? – спросил Суслин.

– К понедельнику не успею однозначно, – решительно заявил Музыкант. – Постараюсь к среде; если не смогу, сообщу. – И добавил: – В принципе, нет ничего странного, что камья оказалась в частных руках. Но почему она всплыла именно сейчас?

Яков Михайлович помолчал и глянул на Суслина испытующе.

– А вы допускаете, что вещь может иметь криминальное происхождение?

Лев Моисеевич задумчиво потер свое знаменитое ухо и посмотрел Музыканту прямо в глаза:

– Если и допускаю, то надеюсь, о моих сомнениях никому не станет известно.

– Только не от меня, – слегка поклонившись, твердо сказал Яков Михайлович.

– И не от меня, – пискнула Маша.

Аленка

В понедельник хозяин камеи не явился. Во вторник – тоже. Лев Моисеевич пытался дозвониться, пару раз даже при Маше, но телефон был выключен.

Маша видела, что Суслина тревожит камея. Наверное, тот, что принес украшение, не похож на наследника царской династии. Мысленно она перебрала всех посетителей, появлявшихся в антикварном салоне в последние две недели. Только двое из них встречались с директором. Остальные просто покупатели. Первый был явно из проверяющих. Их Маша уже умела распознавать с первого взгляда. А вот второй... Маша старательно восстановила в памяти его облик. Лет тридцать пять. Довольно крепкий, коротко стриженный. Походка такая... вразвалочку. На правой руке татуировка. Она это заметила, когда, проходя мимо, мужик полез в карман куртки, словно хотел что-то достать. Нет, ни на коллекционера, ни на потомственного дворянина он похож не был. Скорее на простого работягу. На таксиста, например. Или на автомеханика. А почему, кстати, автомеханика? Ах да, руки у него такие, словно часто имеют дело с машинным маслом. Когда отец недолго работал в автосервисе, у него тоже такие были. С другой стороны, внешность никакой не показатель. Элеонора выглядит и ведет себя как королева, а на самом деле – из обычной семьи. Но в любом случае то, что у Льва

Моисеевича есть насчет владельца камеи какие-то сомнения, можно понять. Она на его месте тоже засомневалась бы. Если, конечно, она думает на того человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.